

ВАЛЕНТИН ТАРАСЕНКО,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии НАН Украины, профессор кафедры истории и теории социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Социальное, общественное и социологическое познание

Abstract

The article is devoted to the disclosure of sociology through analysis of specificity of social and sociological cognition.

Как возможна социология? Ответ на этот вопрос кантовского типа (в свое время И. Кант спрашивал: как возможно познание, как возможны априорные синтетические суждения?) лежит в плоскости анализа социального и социологического познания, точнее, вычленения из первого второго, раскрытия его специфики.

Традиционно считается, что социология осуществляет особый вид познания — социальный, охватывающий, кроме самой социологии, большую группу наук. Последние пока не имеют исчерпывающей классификации, поэтому массив этих наук определить трудно, а вместе с тем — и масштабы и границы социального познания. Так, в одном случае к социальным наукам относят историю, социологию, антропологию, лингвистику, филологию, а также значительные разделы психологии, географии, юриспруденции, экономики и философии [1, с. 14], в другом — обширную группу дисциплин, куда включены целые “отряды наук”. В частности, под “крышей” социальной философии располагаются: социология, социальная антропология, социальная психология; экономическая наука, политическая наука, правоведение; социальная история (всеобщая, отечественная, археология, другие исторические науки); статистико-демографические дисциплины; гуманитарные дисциплины — социальная лингвистика, семиотика, филология, культурология, педагогика, социальная работа, религиоведение, искусствоведение, другие дисциплины этого отряда [2, с. 69].

С эпистемологической точки зрения общими для многих этих наук, кроме социальной философии, являются объект познания — социальная реальность, проблема социального и категория “социальное”. Однако каждая социальная наука, в том числе и социология, представляет собой своеобразный способ полагания общего для них объекта познания, отображая его по-своему, в виде отдельного образа, построенного в соответствии с исследовательским предметом данной науки и с помощью ее когнитивных средств. Тем не менее социология все же выделяется в их сообществе, в частности тем, что, разрабатывая проблему социального как таковую, она полагает общий объект познания как базовый, опорный для них концепт социальной реальности.

Так сложилось, во-первых, потому, что социология исторически выработала свою разновидность социального познания, не только концентрирующую в себе главные особенности и исторические результаты последнего, но и существенно дополняющую и обогащающую его. Социология не просто связала с ней свой познавательный интерес, но превратила последний в интерес исследовательский, как, впрочем, и сам стихийный процесс социального познания — в технологически организованный и выверенный алгоритм научного освоения социальной реальности. Более того, из протонауки (протосоциологии), умозрительного рассуждения в пределах обыденного опыта или в рамках определенных социальных, социокультурных идей, она превратилась в исследовательскую эмпирическую науку, которая объясняет социальный мир еще и на основе экспериментально (эмпирически) установленных объективных фактов. Тем самым социология значительно превзошла возможности предыдущего этапа социального познания, в лоне которого сформировалась, доказав свою способность продуцировать обоснованное фактами знание о той реальности, которая не поддается в полной мере научным (в классическом смысле) исследовательским технологиям. Правда, это обстоятельство предъявило к социологии требования насчет ответственности за надежность и достоверность ее знания.

Во-вторых, социология, сформировавшись позднее многих социальных наук, вышла на передний план в социальном познании еще и вследствие того, что на основе своей способности к рефлексии и саморефлексии выработала социальную онтологию и социальную гносеологию, то есть учение соответственно о социальной реальности (бытии) и социальном познании, представленное различными версиями (позитивистской, структуралистской, феноменологической и др.). Это превратило социологию в общеметодологическую науку для всех других социальных дисциплин, кроме социальной философии, политэкономии, политологии, понимающих *социальное* принципиально иначе, чем социология, ибо они отождествляют его в конечном счете с общественным.

Итак, социология исторически сформировалась как теоретико-эмпирическая социальная наука, ориентированная на три уровня познания: теоретический, эмпирический и прикладной (социотехнологический)¹. Благодаря этому она получила потенциал, необходимый для обретения научного

¹ Термины “эмпирический” (“эмпирическая социология”) и “прикладной” (“прикладная социология”) в новейшее время не отождествляются, как не отождествляются и обозначаемые ими социологические дисциплины [см.: 3, с. 17–31].

интеллекта, который, по логике вещей, должен бы быть более мощным, чем интеллект любой другой социальной дисциплины и, возможно, даже таких общих наук, как социальная философия, политэкономия и политология, вместе взятых.

Казалось бы, в этой связи именно социология призвана задавать каноны изучения и научного понимания социальных объектов, никакой другой науке это не под силу. На самом же деле многое свидетельствует о том, что социология находится в таких связях со всеми другими социальными науками (да и не только с ними), что они определяют ее в гораздо большей степени, чем она определяет их. В точках этой зависимости социологии находят стыки и развилки социального и социологического мышления, социального и социологического познания, которые после стольких лет развития социологии вроде бы уже не должны отождествляться между собой, но тем не менее сплошь и рядом отождествляются. Многие социологи не видят существенной разницы ни между социальным и социологическим мышлением, ни, соответственно, между социальным и социологическим познанием. Такова традиция автоматического включения социологии в процесс социального мышления и познания, идущая от прошлого и воспроизводящаяся в настоящем. Это подтверждает ту истину, что социальное мышление и познание, предшествовавшие социологии, вовсе не остались в прошлом, а через свои функциональные механизмы трансформировались в современные формы, которые “работают” в исследовательском поле социологии наряду с ее собственным, то есть социологическим мышлением и познанием.

В этом состоит одна из уникальных реликтовых особенностей социологической науки — пользоваться двумя видами мышления и осуществлять соответственно два вида познания — социальное и социологическое, неодинаково полагающие объект социологии (соответственно общество и социальная реальность общества). Как видим, такая “вольность” оперирования двумя видами мышления в рамках научного интеллекта социологии не остается без последствий. Она чревата не только раздвоением объекта этой науки, но, добавим, и особыми проблемами (например, проблемой идентификации социологии и “приписывания” ее к той или иной системе наук — социальных, гуманитарных, общественных; маркировки ее границ с социальной философией и т.п.), а также неизбежной путаницей в представлениях об атрибутивных свойствах социологии. Более того, иногда это усугубляет отношения в сообществе социальных ученых, особенно между философами и социологами, которые не всегда находили и находят точки соприкосновения в понимании существа и специфики социального познания (как это было, например, в Германии — полемика Т.Адорно и К.Поппера, бывшем СССР — борьба социологов с философами за самостоятельный статус социологии, отделение ее от исторического материализма).

Итак, в социологии налицо две связки способов постижения социальной действительности, имеющие важное значение для того, чтобы разобраться в особенностях этого постижения: социальное–социологическое мышление, социальное–социологическое познание. Однако в недрах ее научного поля имеются еще по крайней мере две связки подобного рода: социальное–общественное, рефлексивное–нерефлексивное (конструктивистское, конституирующее) познание, исторически возникшие вследствие того, что на определенном этапе развития познания (XVII–XVIII в.) было сформулировано понятие “общество”, а само общество в представлениях мыслителей было от-

делено не только от природы (“естественного состояния человека”), но и от государства, и семьи, будучи представлено как отдельный и особый объект познания. В нем была замечена разнокачественность существующего в форме различных видов реальности, в том числе и социальной, не обладающей свойством чувственной наглядности. Здесь возникала возможность глубинных метаморфоз и поворотов в социальном познании, поскольку явно обнаруживались, во-первых, недостаточность как умоглядных методов, так и методов естественнонаучных в изучении общества и, во-вторых, нетождественность понятий и терминов “социальное” и “общественное”, “социальная реальность” и “общественная реальность”, “социум” и “общество”, “социальные науки” и “общественные науки”, наконец, “социальное познание” и “общественное познание” (“познание общества”). Эти содержательные различия между старыми и новыми знаниями были предвестниками социологии как новой социальной науки. Они открывали возможность такой социологии, которая не могла быть отождествлена ни с существующей социальной философией (в ее европейском варианте), ни с какой-либо конкретной наукой (статистикой, демографией, физикой, психологией), то есть социологии, существующей уже не в “прото”-формате, а в своей собственной форме — в качестве новой научной дисциплины.

В данной статье связка “социальное–социологическое мышление” не рассматривается, но надобно подчеркнуть, что именно досоциологическое социальное мышление выработало основные понятия общего плана, являющиеся базовыми для социологии и других социальных наук: человек, государство, природа, общество, мораль, право, религия, Бог, закон, равенство, справедливость, истина, красота и т.д., и т.п.

В философской литературе исходным пунктом отличия социального познания выступает отделение его от других видов познавательного процесса — естественнонаучного, художественного (эстетического) и технического [4, с. 3]. При этом социальное познание связывают со сферой социальной деятельности человека, изучаемой множеством наук, которые, в свою очередь, расчленяют его на подвиды: философское, экономическое, историческое, социологическое, психологическое и т.д. Воплощается социальное познание также в чрезвычайно разные виды знания: социально-философское, социально-экономическое, историческое, социологическое, гуманитарное и др. Возникает вопрос: как же социальное познание “ухитряется” давать разные виды и подвиды знаний, в том числе и социологическое? Как в его общем потоке продуцирует “свои” знания социология, обособившись в нем и создав собственный способ мышления и познания?

Поскольку все это произошло в лоне протосоциологии, то есть еще на этапе преимущественно донаучного социального познания, то следует хотя бы схематично разобраться в главнейших особенностях этого процесса.

Протосоциология: что это такое?

Прежде всего речь идет о научном термине, сконструированном, очевидно, по аналогии с физическими терминами “прото вещество”, “протоматерия” и призванном обозначать все то, что предшествовало социологии в познании и из чего она возникла. Он понуждает думать также о некотором первичном строительном материале для социологии и условиях, при которых из этого материала было создано ее строение. Выходит, протосоциология — это не

только не социология, но и нечто такое, что является совершенно иным по способу познания, но в своем развитии породившее более высокую форму познавательной деятельности, воплотившуюся в облике социологии.

Важно отметить именно этот результат донаучного социального познания, указывающий на то, что протосоциология есть история развития этого познания от его начала до момента возникновения социологии, когда социальное познание определенной своей “частью” трансформировалось в социологическое, а это последнее, в свою очередь, спустилось с высот философско-метафизического умозрения к реалиям, превратившись непосредственно в исследование их с помощью конкретных научных методов. Характеризуя этот процесс в общем и целом, можно сказать, что протосоциология — это особый тип досоциологического социального познания, в котором исторически сменяли друг друга и в то же время определенным образом соединялись обыденное, донаучное и зачатки научного познания. Рассмотрим вкратце основные особенности этого познания, учтя прежде всего то, что оно было преимущественно умозрительным.

Историческое начало социального познания вплетено в практическую жизнедеятельность древнейшего человека и представляет собой процесс элементарного отражения (кристаллизации, обобщения) обыденного опыта, в котором воедино слиты чувственный и рациональный компоненты. Объектом такого познания выступали сам человек и его ближайшее окружение (“общезитие”). Это в целом — обыденное познание как простейшая форма постижения социального и природного мира непосредственно через практическую деятельность человека и его совместную жизнь с другими людьми, отношения и общение с ними, но на основе созерцания объектов этого мира. Гносеология и современная феноменология четко обозначили специфику этого вида познания. Кроме ненаучности, он отличается такими особенностями: 1) предпонятийностью — горизонты видения мира познающим субъектом определяются не сущностью, а значимостью для человека вещей, процессов и явлений, поэтому картина мира строится не на понятиях, а на представлениях о нем; 2) простейшим видом мышления — здравомыслием, не производящим ни гносеологических, ни социальных идей, а только преимущественно упорядочивающим мир представлений в соответствии с опытом и требованиями социального порядка; 3) чувственной окрашенностью знаний, их распределенностью, транслированием и трансформацией в общественной среде через практику и смысловую intersубъективную реальность — без установления общепонятных смыслов и значений обыденное познание невозможно; 4) опорой на исторически низшие типы мировоззрения — мифологию и религию. Пройдя эти этапы в своем развитии, обыденное познание, конечно, сохранило их в себе и не достигло уровня научного мировоззрения, хотя с возникновением научных знаний оно, так или иначе, использовало их, адаптируя к обыденной жизни и практике.

Разумеется, непосредственно по линии обыденного познания социология не возникла, но исторически она была бы невозможна без него. Дело в том, что общественная практика, как известно, всегда выступала основой и критерием познания, в том числе и социального, а поскольку в качестве постигающей практику изначально выступало именно обыденное познание, то оно исторически явилось базовым для формирования всех других видов и подвидов познания. Сегодня социология не может не апеллировать к

уровню обыденного познания и понимания, например, при интерпретации полученных результатов и объяснении социальных фактов, иначе массовый потребитель не поймет и не примет ее выводов. К тому же здравый смысл, укорененный в жизненной практике, является для людей весьма надежным критерием социальных фантазий социологов.

Итак, к возникновению социологии вела иная “линия” в социальном познании. Ее нужно искать прежде всего в отделении умственного труда от физического, когда появился активный субъект познания, который специально занялся изучением и внешнего мира, и человека, и самого познания, выйдя за пределы его обыденных форм. Именно этот субъект, исторически развиваясь и тоже отнюдь не минуя мифологическую и религиозную стадии познания, но преодолевая их, постепенно превратился в исследователя, действующего по всем правилам науки, ее познавательных и исследовательских технологий.

Согласно М.Шеллеру, который выделял “высшие” и “низшие” виды знания, этот длинный путь познания в его “высшей” части осуществляли три исторически и культурологически разных субъекта: “святой” (духовенство) — на религиозном этапе, “мудрец” (философы-метафизики, занимавшиеся чистым созерцанием идей) — на метафизическом этапе, “исследователь” (сообщество ученых) — на научном этапе. В каждом случае это был групповой субъект, отличающийся мотивами познания, характером актов познания и результатами (в частности, типом “главного” знания).

Именно “исследователь” вывел социальное познание за пределы обыденного опыта, религии и философии, обеспечив формирование идей, в русле которых оно должно было осуществляться, и принципов, с которыми должно было соотноситься. Таким образом, субъект науки стал управлять стихией познавательного процесса, подчинив его определенным целям и задачам, а также принципам.

Однако эволюционировал не только субъект, но и объект познания. Общность, совместность, общежитие человека, которые были в конце концов поняты как его социальность, социум, исторически оформлялись по-разному: первобытная община, семья, полис, государство, общество, группа, институт, организация и пр. К тому же, объект открывался познанию, как в целостном, так и в расчлененном виде, что обуславливало, по крайней мере, два уровня познавательного процесса. Первый — наиболее общий, когда объект изучается в целом, а если же и расчленяется, то только на самые крупные макроструктуры. Эта познавательная тенденция и эта традиция остались за социальной философией. Второй уровень предполагал изучение объекта путем его членения, дробления, и эта тенденция в итоге означала возникновение частных социальных наук, в том числе и социологии. Именно ей в принципе и обязана своим появлением социология. Но какая? Эмпирическая социология. Правда, возникла она в общем потоке социального познания не только стихийно. Главное все же состояло в том, что на определенном его этапе ее целенаправленно формировали. Как? Выработывая методики применения эмпирических методов. Что же касается теоретической социологии, то возникновение ее шло по линии социальной философии, но через заимствование знаний также и из различных наук (биологии, истории, физики, статистики, психологии, демографии и т.д.) и адаптирование их к нуждам социального познания, которое в этой своей части посте-

пенно переставало быть философским. Происходила некоторая гибридизация и трансформация социального знания, которое (тоже постепенно) приобретало социологическую специфику.

Таким образом, познавательная деятельность субъекта на этапе протосоциологии, реализуясь в формате умозрительности, обеспечила двоякий уровень социального знания — общий и частный, но она еще не давала *конкретного эмпирического* знания, получаемого в процессе исследования. Последнее появилось тогда, когда возникающие частные дисциплины уходили от умозрительности, разрабатывали свои методы и применяли их в познании тех или иных фрагментов общего для них объекта, превращая свое познание в конкретное исследование.

Заметим, что умозрительное познание, в отличие от исследования, не предполагает непосредственного взаимодействия субъекта с объектом. Последний постигается опосредованно путем конструирования знаний о нем на основе предыдущих представлений с помощью манипулирования его идеальным образом (“идеальным объектом”), воображаемым или же представляемым, если он когда-либо наблюдался. Конечно, этот процесс сложный, не обходился он без фантазии, интуиции, ценностей, новых идей, которые давали возможность социальным мыслителям иметь свою позицию в познании и общеметодологический угол зрения.

Напротив, исследование опирается на методы, с помощью которых субъект “трогает” объект познания, соприкасается с ним, получая конкретное эмпирическое знание о нем. Это — методы прямого контакта субъекта с объектом. Разработав и применив такие методы в изучении социальной реальности, субъект познания завершил эпоху умозрительной протонауки, в том числе и протосоциологии. Социология же, как становящаяся научная эмпирическая дисциплина, начала заимствовать эти методы и применять их в своей исследовательской практике. Необходимость этого применения первыми поняли и об этом заговорили, как известно, А.Сен-Симон и О.Конт.

Но, конечно же, компонент умозрительности из социологии не исчез. Правда, социологическая умозрительность — двойственной природы: частично она заимствована у социальной философии, частично создается самой социологией. С позиции заимствованной умозрительности социология выступает нередко тогда, когда ей приходится решать пограничные с социальной философией теоретико-методологические вопросы, затрагивающие обе стороны. Тогда она, так сказать, по “праву” своего рождения в лоне социальной философии и унаследованных от своей праматери способностей к высоким уровням теоретизирования может вторгаться в дисциплинарное пространство социальной философии, и это даже не всегда замечается. Что же касается собственной умозрительности, то социология познает социальную реальность только умозрительно, но об этом ниже.

Социология всегда заимствовала и продолжает заимствовать у социальной философии также вырабатываемые тою гносеологические и социальные идеи, касающиеся познания. Первые предписывают познающему субъекту эпистемологическую позицию, обуславливающую изучение и понимание реальности в пределах понятий, концепций, теорий, которые ее отражают и выступают одновременно в качестве инструмента познания. Когда же этот инструмент не срабатывает или его недостает, то создаются новые средства познания и понимания.

В ракурсе второго вида полученных от философии идей субъекту предписывается социальная или культурная, а в общем ценностная позиция, требующая познавать и понимать социальную реальность в ее значимостном контексте. Иными словами, необходимо в конечном счете учесть интерес действующего субъекта, воплощенный в продуцируемой им реальности и закодированный в ней. В этом ракурсе к вопросу “почему реальность такова?” приплюсовывается вопрос “для чего она такова?”. Для ответа на этот последний вопрос как раз и нужны ценности. Короче говоря, вторжение социального познания в значимостный мир, изучение и понимание которого не может обеспечить арсенал обычных гносеологических средств, требует привлечения нормативно-ценностных определителей (социальных, идеологических, культурных и др.). Поскольку, например, идеология, как обосновал К.Мангейм (“Идеология и утопия”), — тоже знание, то это означает, что постижение ценностного мира происходит не только с помощью особых, но и всеобщих видов знания.

Линия формирования социологии как теоретической науки в недрах социальной философии, концентрировавшей в себе сначала все социальное мышление и познание, прослеживается не только на этапе протонауки, но и на классическом этапе вплоть до того момента, когда первосоциологи (Г.Зиммель, Ф.Теннис, Э.Дюркгейм и др.) четко обозначили ее предмет и объект. Благодаря их творческим достижениям социология эмансипировалась от философии, заимствуя у нее, как уже отмечалось, способность к высокому теоретизированию. В то же время социология, уйдя от социальной философии, так повлияла на нее, что последняя вынуждена была заняться уже не социальным, а общественным познанием. Эта ее метаморфоза оказалась рубежом, разделяющим социальную философию на две исторические формы — досоциологическую и послесоциологическую. Функционируя и развиваясь в рамках своей первой формы, социальная философия давала общую теорию социального познания и строила картину социального мира, во второй форме — дает теорию общественного познания (познания общества в общем и целом), поскольку теорию социального познания и общую картину социального мира разрабатывает теперь уже социология.

Вместе с тем, социальная философия не утратила ни своей гносеологической специфики, ни манеры мышления. Она по-прежнему выражает три вида отношений человека к миру: ценностно-духовное, научно-теоретическое и личностное. Их то и переняла социология. Кстати, она и не могла не заимствовать их, поскольку реализуемый ею вид познания, как и философское познание, тоже зависит от субъекта и его жизненного мира, типа культуры, системы ценностей; объекта и его контекста; методов; субъективного отношения (например, при изучении интерсубъективной реальности).

Так что же произошло с социальным познанием на этапе протосоциологии? Оно, так сказать, “распалось” на три ветви: философскую, социологическую, всех других социальных наук. Философская ветвь представляет собой познание общества в целом, социологическая — познание в целом и по “частям” его особой реальности (социальной), ветвь всех других социальных наук — исследование особых форм социальной реальности, не изучаемых социологией.

Теперь имеем возможность присмотреться более детально к этим ветвям социального познания.

Социальное и общественное познание

Из сказанного следует, что этап протосоциологии содержательно исчерпал себя в то время, когда, во-первых, социальное познание определенной своей стороной трансформировалось в исследование; во-вторых, умозрение, как его главный метод, стало проверяться и контролироваться конкретными эмпирическими методами; в-третьих, молодая социологическая наука разработала методики применения этих методов и начала базировать на них свою исследовательскую практику; в-четвертых, появилось множество социальных наук, раздробивших целостный процесс социального познания и внесших в него свою специфику. В частности, они “потеснили” социально-философское познание, начав его ограничивать, “онаучивать” и кое-что брать из него на себя; наконец, в-пятых, в социологическом познании соединились теоретико-методологический и методический уровни обеспечения эмпирических исследований, вследствие чего возникли различные исследовательские технологии.

Социальная философия, ощутив на себе влияние конкретных наук, а также социологии, отреагировала тем, что стала: 1) учитывать теоретические выводы этих наук и обобщать их с целью создания выводов более высокого порядка; 2) опосредованно опираться на эмпирическую базу, формируемую частными науками; 3) создавать учения (теории, концепции) о путях развития общества, его закономерностях и движущих силах; 4) разрабатывать методологии общественного познания, могущие быть трансформированы в методологии социального, экономического, политологического и других видов познания.

Она превратилась в метапознание общества, то есть объекта, вмещающего в себя, выражающего и синтезирующего все составляющие его виды реальностей. В свете этой позиции общество предстало как качественно иная реальность, чем любая из его составляющих. Она подчиняется закономерностям более высокого уровня.

Эту особенность общества точно зафиксировал исторический материализм, покоящийся на применении материалистической диалектики к истории и обществу. В общепознавательном плане он выдвинулся именно как способ общественного познания, особое парадигмальное направление, претендующее на охват общества в целом. Вот одно из адекватных определений этой дисциплины: “Исторический материализм — это наука об обществе в целом, о наиболее общих законах и движущих силах его развития. Исторический материализм внутренне и неразрывно связан с диалектическим материализмом, является составной частью марксистско-ленинской философии” [5, с. 4]. В этой дефиниции зафиксировано по крайней мере то, что истмат есть философская наука об обществе, и возможность трактовать его как особую форму не социального, а именно общественного познания (отличного, например, от такого вида общественного познания, как история). Раз истмат изучает общество в целом — как реальность, стоящую выше не только социальной, но и любой другой реальности, составляющей общество, то это означает, что он занимается общественным познанием, а не каким-либо другим, и должен быть отнесен к разряду общественных наук.

Однако еще в начале 20-х годов прошлого столетия появилась точка зрения, будто исторический материализм является марксистской социологией. Общественный заказ на такой взгляд понятен: тогдашние обществоведы

искали приемлемую общую методологию, ибо новый общественный строй отвергал идеалистическое мировоззрение, такого же рода философию и социологию, буржуазные либеральные ценности. Истмат, по их мнению, мог заполнить образовавшийся методологический и идеологический вакуум. К нему и были обращены взоры тех, кто соглашался духовно работать на пролетарское государство. Например, историк С. Ковалев, критиковавший неокантианскую методологию истории, в своем “Курсе всемирной истории” писал в 1923 году: “...Что такое исторический материализм как теория общества в его развитии? Несомненно, социология... История в ее истинной, т.е. научной, номотетической, а не идеографической постановке (такую историю называют еще типологической) совпадает с подлинной социологией. А подлинной социологией мы должны называть не буржуазную, глубоко реакционную социологию Конта, Спенсера, Тарда и их последователей в лице Ковалевского, Сорокина и др., с ее “вечными” законами общества как организма или психического явления, а материалистическую и динамическую социологию Маркса и Энгельса” [6, с. 16–17].

Н. Бухарин в своей книге “Теория исторического материализма” (1922) впервые в систематическом виде излагал вопросы истмата как марксистской социологии, общего социологического метода познания общественных явлений.

Такое двойственное понимание истмата — как социально-философской и общесоциологической теории — впоследствии вызвало трения между советскими социологами и философами в период возрождения социологии (конец 1950-х — начало 1960-х годов), продолжавшееся в той или иной форме едва ли не до момента гибели СССР. Философы убеждали социологов в необходимости признать давнее двойственное понимание истмата, причём одни — прямо зачисляя его по “ведомству” социологии, другие — через обязательное признание функциональной значимости этой науки в качестве наиболее общей социологической методологии [7, с. 27–29]. В предложениях философов социологи усмотрели попытку непризнания самостоятельного статуса социологии, блокирование выхода ее в “самостоятельное плавание” по морю познания.

Борьба привела к компромиссным трактовкам истмата, фиксации их в определениях типа: “Исторический материализм — это общая социологическая теория исторического процесса. И эту функцию общей социологической теории исторический материализм выполняет потому, что он является философской наукой об обществе” [8, с. 6]. В подобном же ключе всплывала и подключалась к дискуссии проблема “научный коммунизм — социология”. Признавалось, что теория научного коммунизма является социально-политической теорией марксизма и наряду с историческим материализмом выступает методологической основой конкретно-социологических исследований в условиях социалистического общества” [9, с. 99]. В общем компромиссной позиции придерживались и социологи (правда, некоторые из них как ведущие специалисты — формально, только на словах) даже в своих дискуссиях по поводу предмета и структуры социологии, ее научного статуса. В конце концов установилось представление об известной трехуровневой структуре социологии, на верхнем (теоретическом) уровне которой стыкуются истмат (социальная философия) и социологическая наука.

Отзвуки этого представления можно обнаружить и в современной социологической литературе, когда так или иначе соединяют социальное и соци-

ологическое мышление, социально-философское и социологическое познание, социальную философию и социологию. В “Истории теоретической социологии” читаем: “В самом широком смысле *социальная философия* — это раздел философии, посвященный осмыслению качественного своеобразия общества, взятого в его отличии от природы (хотя и не без учета взаимодействия с ней); его отношения к государству, к религии и морали, к духовной культуре вообще; его смысла и цели (общественных идеалов), его генезиса и развития (социальной истории), его судеб и перспектив.

В более узком смысле социальная философия — это (а) раздел общей социологии, посвященный осмыслению таких результатов (проблем, антиномий) социологической теории, которые не могут быть “верифицированы” с помощью ее собственных познавательных инструментов, равно как и средствами сопряженных с нею социально-научных дисциплин — таких как политическая экономия, антропология, психология, культурология и т.д., а потому по-прежнему нуждаются в помощи *умозрения*. Без него не может обойтись здесь даже социология, с необходимостью превращающаяся в этих пунктах в *метафизику* общества, ибо вопросы, с которыми она сталкивается в таких случаях, находятся уже за пределами “социальной физики”, даже взятой в ее расширительном сен-симоновски-контовском толковании. Это — (б) раздел теоретической социологии, специально посвященный теории *социального* познания, т.е. исследованию условий, предпосылок и понятийного аппарата науки об обществе, который находится в тесной связи с общеполитической гносеологией. Наконец, это сформировавшаяся уже в нашем веке особая область — (в) “рефлексивного” осмысления общества, сопровождающегося социологической критикой используемых при этом понятий. Дело в том, что понятия эти рассматриваются как находящиеся в генетической или структурной зависимости от самого этого общества или отдельных фаз его исторического развития: как феномен отражения (в марксизме), “компенсации” (в фрейдизме), “отражения-компенсации” (в фрейдомарксизме) и т.д.” [10, с. 22–23].

Как видим, эта длинная цитата показывает, что при попытке развести социальную философию и социологию использован прием “в широком смысле” — “в узком смысле”, когда не дается однозначной трактовки сути вопроса. Мол, в таком понимании социальная философия такая-то, а в другом — иная, но на самом деле неизвестно какая. Получается эклектика, смешение дисциплин: признается, что социальная философия входит в социологию как ее раздел. Но это означает то же самое, что и утверждение, мол, социология определенной своей частью проникает в социальную философию, от которой, выходит, она так и не освободилась. Так что обе дисциплины, проникая друг в друга, не могут “жить” друг без друга, а потому не имеют полноценных самостоятельных научных статусов.

Словом, вопрос о соотношении социологии и социальной философии, как в советское время проблема истмат–социология, до сих пор должным образом не решен. Правда, сегодня социологов никто не принуждает понимать его так, а не иначе, как это было в упомянутые времена. Вот почему, как только с развалом Союза философское и откровенно идеологическое принуждение исчезло, от истмата социологи (да и не только они) побежали, как от чумы. Побегать-то побежали, но вдруг оказалось, что без него они стали “слеповидящими”, ибо за горизонт их видения мира “ушли” общие закономерности функционирования и развития общества, изучаемые истматом.

Да и теоретическое мышление социологов стало больше походить на слепок с мыслительных версий западноевропейских и американских социологов, чем на собственный конструкт и инструмент понимания вещей. Но время течет, кое-что меняется в украинской социологии, и кое-кто стал понимать, что без обобщающей силы истмата невозможно создать, так сказать, “нашу” общесоциологическую теорию, без которой украинская социология еще долго будет второстепенной в системе мировой социологической науки.

Конечно же, исторический материализм непосредственно не являлся общесоциологической теорией, эту роль ему приписывали. Объективно он не мог ее исполнять хотя бы потому, что множество его предельно общих понятий невозможно было социологически операционализировать. И это понятно, ведь истмат давал общую теорию общественной реальности, которая не может быть сведена к социальной ее форме. И все же социология, обладая способностью теоретического мышления высокого уровня, вполне могла бы трансформировать истматовскую теорию общества в общий методологический принцип и инструмент познания социальной реальности. Это была настоящая задача возрождающейся социологии, но бывшие советские социологи ее не выполнили.

Однако перемена научного отношения к истмату, по-видимому, зреет. В литературе обоснованно высказана точка зрения о необходимости сознательного возврата к материалистическому подходу в социологии, к истмату, но не как идеологии, а как научной теории общества [см.: 11, с. 7–12], а Ю.Хабермас, как известно, предпринял попытку реабилитировать и реконструировать его. Наверное, в свете традиции отбрасывания истмата отнюдь не случайными являются попытки некоторых социологов охватить и понять современное общество философски в целом, создать системный его образ, которым можно было бы руководствоваться в исследованиях [см.: 12–14]. Но, как представляется, это в некотором плане следует расценивать как стремление социологов исполнить работу социальных философов, ведь собственных эпистемологических возможностей социологии для выполнения этой задачи недостает, арсенал ее познавательных средств не рассчитан на изучение общества в целом.

Итак, с момента признания общества в качестве особого объекта познания и появления множества частных социальных наук, в том числе и социологии, социальная философия утратила прерогативу непосредственно осуществлять социальное познание. Последнее стало делом социологии и других социальных наук. Поле профессиональных занятий социальной философии — общественное познание, то есть изучение общества как образования, синтезирующего, выражающего и оформляющего все виды образующих его реальностей с позиции их общих свойств и закономерностей. Вместе с тем, это есть изучение общих особенностей протекания и самого общественного познания, а также решение философских проблем других видов познания, в том числе и социального.

Наконец, еще раз о границах социологии. Если взять ее “стык” с социальной философией, то граница размежевания между общественным и социальным познанием есть граница между социальной философией и социологией, свидетельствующая о том, что каждая из этих обособившихся друг от друга дисциплин занимается своим делом в пределах собственного познавательного пространства.

Однако как все-таки быть с социологическим познанием, которое является относительно самостоятельным процессом научного постижения социального мира, но которому, тем не менее, нужна путеводная нить от социальной философии?

Социологическое познание — исследование

Как уже отмечалось, социологическое познание — это обособившаяся и определенным образом трансформировавшаяся “часть” познания социального. Специфика его состоит не только в том, что социология отторгла его от философии, сделала “своим” и превратила в исследование, но и в том, как применяются в нем принципы научного освоения социальной реальности, связанные с упоминавшейся, но еще не рассматривавшейся тут связкой “рефлексивное — нерефлексивное (конструктивистское) познание”.

Как известно, познанием управляет множество принципов: отражения, понимания, конструирования, структурирования, системности, движения от отдельного, единичного к общему, от чувственного к рациональному, от абстрактного к конкретному; единства рефлексии и саморефлексии, дифференциации и интеграции, индукции и дедукции и т.д., и т.п. Выведены они эпистемологами на основе тех существенных свойств, которые открывались им в системе познавательного процесса, были ими осмыслены и возведены в ранг правил познания. Поскольку этих принципов много и рассматривать каждый здесь не имеет смысла, затронем только такие из них: отражения, движения от чувственного к рациональному, понимания, конструирования — как наиболее важные для нас в данном случае характеристики познания.

Человеческое познание основывается на отображении того, что познается, и получении его образа. По-видимому, в истории познания вопрос об отражении впервые поставил Аристотель, хотя и в не совсем явной форме. “...Ощущение, — утверждал он, — есть то, что способно принимать формы чувственно воспринимаемых [предметов] без [их] материи, подобно тому как воск принимает оттиск печати без железа и без золота” [16, с. 73]. Выходит, образ предмета, словно восковой оттиск печати, не содержит в себе предмета и в то же время содержит его в особой (“пустой”) форме “без материи”. Это — оттиск, по Аристотелю, осязаемого тела, которое воспринимается через соприкосновение с ним. Следовательно, в этом процессе должны обязательно участвовать органы чувств (перцепторы) человека.

Через много веков после Аристотеля В. Ленин (“Материализм и эмпириокритицизм”, “Философские тетради”) создал диалектико-материалистическую концепцию отражения как имманентного свойства материи, показав общую схему его развития от простейших форм к сложнейшим способам человеческого отображения объективной реальности, в основе которого лежат практика и категориальный строй мышления. Ленин особо подчеркнул его творческий характер: “Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его” [17, с. 194]. Но проблема в том, чтобы понять, как же происходит отражение в социологическом познании, ведь социология изучает реальность, чувственно рефлексировать которую невозможно, ибо она, еще раз повторим, не обладает свойством наглядности. Стало быть, сенсуалистический ее образ получить нельзя. Познающему субъекту не дано никаких способов непосредственно соприкоснуться с ней. Что же и как

социология отражает, если, разумеется, она способна на это? Без ответа на этот вопрос трудно поверить в существование социологического познания.

Как известно, в досоциологическом социальном познании широко использовалась редукция как способ объяснения сущности латентной социальной реальности путем сведения ее к другим видам реальности (психологической, биологической, физической и т.п.). Современная научная социология к подобному приему постижения сущности социального как будто не апеллирует. Но вслед за первым встал и новый вопрос, связанный с принципом понимания. Если познаваемое следует понимать, то как и на каком основании это можно делать в отношении к несозерцаемой социальной реальности? Причем понимать сообразно специфике социального познания — с позиции разных идей: гносеологической, требующей отнесения знания к чувственно осязаемым фактам, и социальной (культурной, идеологической), предполагающей отнесение знания к ценностям.

Понимание происходит на уровне и с помощью понятий. Понять нечто означает выразить его в понятиях, хотя само понимание начинается эмпирически, ибо, как показала история познания, без чувственного знания не формируется знание рациональное. Более того, Дж.Локк и И.Кант поставили вопрос о невозможности прямого перехода от чувственного к рационально-понятийному знанию (иначе последним владели бы и животные), что для такого перехода нужен так называемый трансцендентальный субъект, “сидящий” в голове познающего человека (теперь-то мы знаем, что это не субъект, а обобщенный в категориальной форме социальный опыт). Отсюда исторически выводилось одно из фундаментальнейших правил социального познания — устанавливать, с позиции чьего и какого опыта, интереса, какой культуры, каких ценностей продуцируется, изучается и понимается социальная реальность. Данное правило увело социологию, которую сначала едва ли не полностью поглотила позитивистская парадигма, от гносеологической нейтральности в познании, оно требовало отнесения социологического знания к субъекту действия и познания, его социально-культурной и интеллектуальной среде. Для этого нужны уже ценностно окрашенные понятия, выражающие отношения и действующего, и познающего субъектов.

Если бы социология осталась сугубо позитивистской дисциплиной, то, по всей вероятности, вопрос о ее возможности возник бы только в пакете с конкретными социальными науками. Но тогда она заявила бы о себе только как частная эмпирическая дисциплина со всеми следующими отсюда возможностями “социальной физики”. Однако процесс возникновения, становления и развития социологии пошел другими путями, ставя ее перед отмеченными трудностями и открывая для нее новые возможности. В самом деле, если социальная реальность чувственно не отражается, а без чувственного знания не формируется знание рациональное, то как же возможна социология — дисциплина, способная и познавать, и понимать эту реальность? Выход из этой парадоксальной ситуации состоял для социологии в том, чтобы особым образом соотносить в своем познании и знании чувственное и рациональное, умозрительность и эмпиричность, гносеологичность и ценностность, отражение и понимание, наконец, само познание и исследование. В том-то и дело, что социология была возможна только как принципиально новый способ социального познания, иной по отношению к тому виду, который предшествовал ей. Возникновение социологии и других социальных наук, отделение их от философии знаменовало собою не менее

чем революцию в социальном познании. Оно поднялось на ступень выше, ибо потеснило умозрительно-редукционистское постижение социального мира и осуществило переход к научному его исследованию.

Но здесь важное значение имела смена принципа понимания. Разумеется, компонент понимания познаваемого зарождался вместе с самим познанием, причем на идеалистической основе (признание первичности духа, идей). Постепенно возникло понимание на материалистической основе. Обогатив его диалектическим методом, К.Маркс ввел его в процесс познания истории и общества. Ситуация двойственного понимания социальной реальности побудила В.Дильтея, Г.Зиммеля, М.Вебера специально заняться этой проблемой. Несмотря на определенные различия в их взглядах, все же результирующим оказался вывод о ценностной базе понимания в социологии. По сути, это был вывод парадигмального масштаба, открывавший новые направления социологического познания, связанные с осознанной классиками способностью социологии к ценностно-идеологическим, ценностно-культурным, ценностно-символическим и другим видам исследования. Увы, направление получило весьма ограниченное развитие, если не брать во внимание марксистскую философию и социологию, где был разработан классово-партийный подход как теоретическая основа ценностно-идеологического исследования. Длительное время направление ограничивалось “понимающей социологией Вебера”, пока его не подхватила интерпретативная социология, направив свои усилия на изучение intersubъективной реальности. Что же касается марксистского принципа классового подхода, то применения его часто боялись, особенно на Западе, как огня. Кстати, многие обществоведы игнорируют его и сегодня. Спрашивается: как же могут они разбираться в сложностях “замаскированной” ситуации, когда, скажем, власть декларирует общечеловеческие ценности, но на деле проводит классовую политику?

Все это говорит об искусственном сдерживании развития “ценностного” направления в социологии. По-видимому, сказывается влияние нескольких основных факторов: доминирования позитивистской традиции, боязни социологов открывать свою социальную позицию в познании, незаинтересованности в “ангажированных” оценках определенных социально-политических сил, неразработанности методологии для такого рода исследований и др. Но здесь имеется и другая сторона, состоящая в том, что сдерживание, игнорирование “ценностных” исследований исторически мешало соединению принципов отражения, понимания и конструирования в социологии, однако в конце концов она преодолела эту препону, учтя то, что заметили еще первые социологи. Они обратили пристальное внимание, в частности, на способы проявления латентной социальной реальности, в особенности на объективное ее выражение через общественные образования, которые доступны для чувственного отражения, скажем, с помощью наблюдения (акты поведения, деятельности, индивиды, группы и т.д.). Таким образом чувственное отражение вошло в социологию и сохранилось в ней, но оно давало эмпирическое знание не социальной, а непосредственно общественной реальности. Знание же о социальной реальности ей предстало на этой эмпирической базе умозрительно конструировать с помощью процедуры интерпретации. Здесь и пришел на помощь принцип конструирования. Еще Р.Декарт (“Начала философии”, 1644) выдвинул тезис о конструировании некоего гипотетического мира в процессе познания. Наука, по Декарту, не просто познает внешнюю

реальность, но конструирует ее в идеальных (гипотетических) формах. Правда, эта способность, как полагал философ, от Бога.

Социологии как раз и предстояло научиться конструировать “социальную реальность” как некую гипотетическую, угадываемую действительность. Каким образом? Через интерпретирующую ее тематизацию на базе эмпирического исследования образований общественной реальности. Дело в том, что каждое эмпирическое социологическое исследование проводится по определенной теме. Собранная информация умозрительно интерпретируется применительно к предполагаемой теме социальной реальности, в результате чего конструируется ее тематическая, теоретическая “форма”. Разумеется, это — не та форма данной реальности, в которой она латентно существует (то есть не бытийная ее форма), а только гипотеза о ней. Получается удивительная вещь, когда социальной реальности, имеющей свою настоящую, но чувственно не фиксируемую форму, приписывают сконструированную теоретическую “форму”, через которую угадывают первую. На каком основании? Это тот вопрос, над которым “бился” в свое время Зиммель, пытаясь постичь, как может социолог изучать социальную реальность, ее содержание и форму. Он понял, что с помощью познавательных средств можно абстрактно отделить форму социального явления от его содержания и превратить социологию в науку о формах (“формальную социологию”).

Действительно, Зиммель был прав, считая, что социальная реальность познается именно через приписанную ей форму, но он не проделал анализ этого сложного процесса. Упрощенная его схема состоит в том, что на основе эмпирического исследования общественного объекта (например, группы) умозрительно познается объект социальный (например, сплоченность группы). Этот объект всякий раз тематичен. Его конструируют (или, что то же самое, — теоретически приписывают ему форму его бытия) в ракурсе исследовательской темы путем умозрительной интерпретации эмпирической информации (об общественном объекте) в свете “идеального типа” социального объекта, заранее имеющегося и фиксируемого ключевыми понятиями исследования. Так в общем создается знание о социальной реальности. Именно путем идеального ее конструирования, конституирования и идентификации возможно умозрительное проникновение в нее и, следовательно, гипотетическое познание. Однако не следует путать два процесса — создание социальной реальности и познание ее. Разумеется, эту реальность создает ее продуцент, создает и содержание, и форму, но научно познавать и понимать эту реальность возможно только через сконструированную теоретически ее “форму”.

В таком исследовательско-познавательном процессе получается знание-гибрид. Возьмем, например, термин “социальная группа”, ярко демонстрирующий свою гибридность, обозначая одновременно две реальности — общественную и социальную. Группа — это элемент общественной реальности, эмпирически выражающей, как уже говорилось, и социальную, и экономическую, и политическую реальности. Поэтому не бывает общественных групп чисто социальных, как вообще не бывает групп в недрах латентной социальной реальности. Но когда к понятию “группа” мы присовокупляем предикат “социальная”, то тем самым, с одной стороны, обозначаем особый аспект этого образования, с другой — как бы выводим на поверхность латентное социальное, неявно представляя его как общественное, но, однако же, называя это общественное социальным (“социальная группа”). Таким образом умозрительная условность через понятия и термины, к тому

же минуя сознание социолога, проникает в эмпирическое исследование и тематически подчиняет его себе. Но это подчинение является необходимым, поскольку оно делает целостным процесс социологического познания-исследования, выражая его сущность и специфику. Имеется и обратная связь — когда умозрение подчиняется логической и технологической строгости эмпирического исследования.

Тут мы и подошли, наконец, к ответу на первоначально поставленный вопрос, как же возможна социология? Она возможна только как единство эмпирического исследования и умозрительного познания, как социальная (подчеркнем: не общественная и не гуманитарная) наука об “угадываемой” реальности. Исследует она непосредственно объекты общественной реальности, “скрывающие” в себе проявления реальности социальной, которую социология может только умозрительно познавать. Для этого она конструирует тематические формы (“образы”) последней, объективирует их, отождествляя с реальными формами. Стало быть, исследуя реальный мир (общественные явления и процессы), социология умозрительно создает гипотетический социальный мир, который она же представляет себе и обществу как мир объективных и субъективных сущностей. Только так и возможно социологическое познание-исследование, которое исходит из признания объективности существования социального мира и его познаваемости через тематические формы. В этом свете конструктивизм является фундаментальнейшим свойством социологии как особой социальной науки. Без этого свойства социология не состоялась бы.

Литература

1. *Копосов Н.* Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. — М., 2005.
2. *Резник Ю.М.* Введение в социальную теорию. Социальная эпистемология: Пособие. — М., 1999.
3. *Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А.* Прикладная социология. — М., 2004.
4. *Коршунов А.М., Мантатов В.В.* Диалектика социального познания. — М., 1988.
5. Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм. — М., 1968.
6. *Чагин Б.А.* Очерк истории социологической мысли в СССР (1917–1969). — Л., 1971.
7. *Федосеев П.Н.* К вопросу о предмете марксистско-ленинской социологии // Социологические исследования. — 1982. — № 3. — С. 27–29.
8. *Келле В., Ковальзон М.* Исторический материализм. — М., 1969.
9. Предмет и структура социологической науки. “Круглый стол” журнала “Социологические исследования” // Социологические исследования. — 1981. — № 1. — С. 86–101.
10. История теоретической социологии: В 5-ти т. — От Платона до Канта (Предыстория социологии и первые программы науки об обществе). — Т. 1. — М., 1995.
11. *Ворона В.М.* О методологии исследования социальной структуры общества // Проблеми розвитку соціологічної теорії. Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства. Наукові доповіді і повідомлення II Всеукраїнської соціологічної конференції / За ред. М.О.Шульги. — К., 2002. — С. 7–12.
12. *Руткевич М.И.* Общество как система. — СПб., 2000.
13. *Луман Н.* Общество как социальная система. — М., 2004.
14. *Полякова Н.* XX век в социологических теориях общества. — М., 2004.
15. *Щербина В.М.* Образы інформаційного суспільства: соціологічний вимір. — К., 2005.
16. *Аристотель.* О душе. — М., 1937.
17. *Ленин В.И.* Философские тетради. — М., 1965.